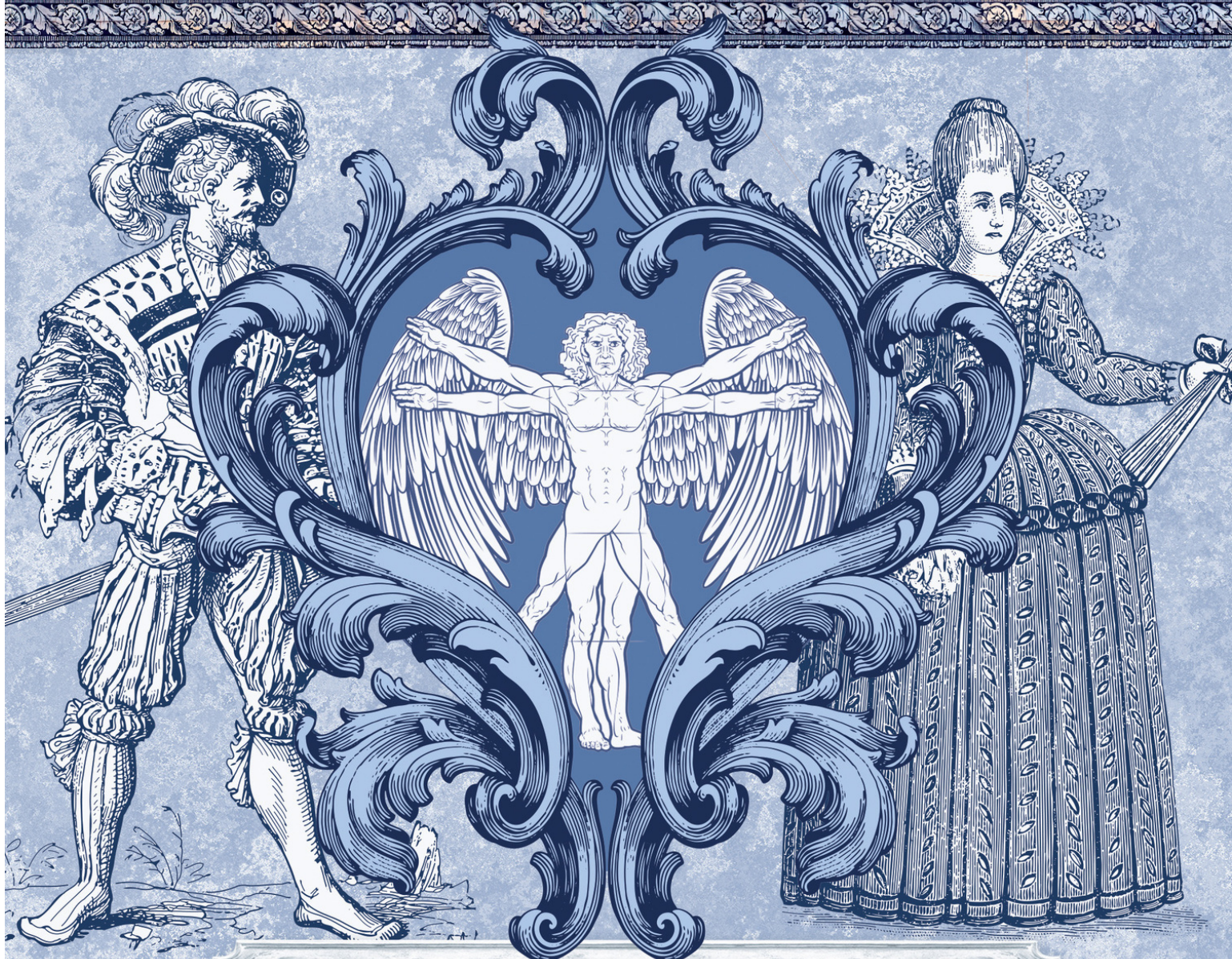




# ЭПОХА РЕНЕССАНСА



БЫТ И НРАВЫ. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Быт и нравы. История культуры

Эдуард Фукс

**Эпоха Ренессанса**

«Издательство АСТ»

УДК 392«13/15»  
ББК 63.5

**Фукс Э.**

Эпоха Ренессанса / Э. Фукс — «Издательство АСТ», — (Быт и нравы. История культуры)

ISBN 978-5-17-112796-1

Книга «Эпоха Ренессанса» – один из трех томов популярного издания Э. Фукса «Иллюстрированная история нравов», посвящена истории нравов эпохи Ренессанса. В ней увлекательно рассказывается о том, как в разных странах и у разных народов складывались представления о красоте и наслаждении, способах проявления чувств, брачных обычаях, внебрачных связях, наконец, о том, какое место все это занимает в искусстве. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 392«13/15»

ББК 63.5

ISBN 978-5-17-112796-1

© Фукс Э.

© Издательство АСТ

# Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Идеал физической красоты Ренессанса	7
Глава 2. Любовь и брак	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

# **Эдуард Фукс**

## **Эпоха Ренессанса**

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

\* \* \*

## Предисловие

Нравственное поведение, нравственные воззрения и постановления, нормирующие и санкционирующие половую жизнь каждой эпохи, являются самыми характерными и яркими выразителями духа этой эпохи. Сущность каждого исторического периода, каждого народа и каждого класса отражается в них нагляднее всего. Вся общественная и частная жизнь людей и народов насыщена и напоена половыми тенденциями и интересами. Они – вечная и неисчерпаемая проблема и программа, которые никогда не снимаются с очереди в существовании индивидуума и общества.

Однако каждая эпоха – и это самое важное – облекает эти переживания в иные формы и постоянно пересматривает и направляет свои установления. В тысяче разнообразных оттенков протекала половая жизнь людей, понимаемая то, как еле осознанная стихийная сила, как чисто животное чувство, то, напротив, провозглашаемая как дивная тайна бытия и высшая точка творческого проявления, то низводимая до уровня нескончаемой скабрёзной выходки.

Вот почему история половой нравственности на различных ступенях культурного развития вместе с тем одна из главных составных частей истории человечества. Выражаясь более точно, это значит: история половой нравственности охватывает наиболее важные стороны общественного бытия людей, следовательно, историю законной и незаконной любви (брак, супружескую верность, целомудрие, прелюбодеяние, проституцию), историю чрезвычайно разнообразных форм взаимного ухаживания в целях и в интересах осуществления половой потребности, обычаев и нравов, в виде которых они кристаллизовались, представлений о красоте, радости, наслаждении и способах выражения чувства (язык, философию, право и т. д.), а также, конечно, идеологическое освящение половой жизни посредством искусства.

Так как история половой нравственности представляет самую важную часть истории человечества, то и богатство свидетельствующих о ней документов в каждой стране неисчерпаемо. К тому же в них мы имеем самое величавое и блестящее, самое утонченное и безобразное, самое нелепое и тривиальное, что когда-либо измыслил и создал дух человека.

Несмотря на такое фундаментальное значение истории нравов, специально трактующей о половой нравственности, для человека, стремящегося к историческому познанию прошлого, несмотря на богатство источников, находящихся к услугам исследователя, история половой нравственности – область, которой пока еще пренебрегают современные историки. Нет ни одной истории нравов, которая бы рассмотрела и обосновала разнообразные видоизменения, происшедшие в воззрениях и нормах половой нравственности, начиная с исходящего средневековья. У нас имеются только собрания материалов и несколько небольших сжатых монографий, посвященных отдельным специальным вопросам, странам и эпохам.

В такой истории половой нравственности сосредоточено, как сказано, и самое высокое, и самое низкое. В силу необходимости она, однако, будет, если угодно, скорее историей безнравственности.

Это так понятно, потому что то, что считается в каждую эпоху «нравственным», заключается преимущественно в том, чего не делают, т. е. в том, что не поддается изображению, тогда как безнравственность обнаруживается в известных поступках, т. е. в том, что можно изобразить.

Или, выражаясь парадоксально, в истории половой нравственности отрицательное часто является единственно положительным. История нравов – конечно, не чтение для школьников и школьниц, но ведь такие качества и не свойственны серьезным научным исследованиям.

*Эдуард Фукс  
Берлин-Целендорф 1909 г.*

## Глава 1. Идеал физической красоты Ренессанса



Так как эпоха Возрождения основывалась на развитии мировой торговли и послужила началом Великих географических открытий, то она вырвала человека из потустороннего мира, которому он до сих пор принадлежал, и сделала его господином самого себя. В качестве покупателя или продавца каждый сделался для нее ценным предметом интереса.

Эпоха Возрождения и провозгласила в конечном счете идеальным типом человека чувственного, того, кто лучше всякого другого в состоянии вызвать у другого пола любовь, притом в строго животном смысле, следовательно, сильное половое чувство.

В этом смысле целесообразная красота и восторжествовала, и притом чрезвычайно ярко, в эпоху Возрождения, так как она была эпохой революционной. После падения античного мира теперь красота праздновала свои высочайшие триумфы. Мужчина считается совершенным, т. е. красивым, если в нем развиты признаки, которые характеризуют его половую активность: сила и энергия. Женщина объявляется красивой, если ее тело обладает всеми данными, необходимыми для выполнения предназначенного ей материнства. Прежде всего грудью, питательным источником жизни. Грудь получает все больше значения, чем дальше развивается Ренессанс. В противоположность Средним векам, предпочитавшим женщин с узкими бедрами и стройным станом, предпочтение теперь отдавалось широким бедрам, крепкой талии, толстым ягодицам.

В женщине любили пышные формы, что не вязалось с миловидностью и грациозностью. Женщина должна была быть в одном лице Юноной и Венерой. Женщина, корсаж которой предвещает роскошную плоть, ценится выше всего. Вот почему уже девушка щеголяет своей пышной грудью. Величественно сложенная женщина заслуживает глубочайшего преклонения. Она должна быть высокого импозантного роста, должна обладать пышной, прекрасной грудью, широкими бедрами, крепкими ягодицами, полными ногами и руками, «способными задушить гиганта». Таковы женщины Рубенса, созданные им для бессмертной жизни в лице трех Граций. Созерцание таких женщин доставляет высочайшую радость, ибо обладание ими сулит мужчине глубочайшее наслаждение.



Женские моды. XVI в.

Женской красоте посвящены самые обстоятельные, детальные и многочисленные описания. И это понятно. Не только потому, что творческая тенденция есть результат мужской активности, чаще встречаются конструкции женской красоты, созданные мужчиной, чем идеалы мужской красоты, созданные женщиной, а главным образом потому, что мужчина в принципе агрессивное, а женщина – пассивное начало. Правда, женщина тоже добивается любви мужчины, и даже в еще более сосредоточенной форме, чем мужчина добивается женской любви, но она никогда не делает этого ясно и отчетливо, как мужчина. Мужчина облакает поэтому свои требования относительно физической красоты женщины в самые ясные и точные описания. Тридцатью шестью достоинствами – по другим оценкам только восемнадцать, двадца-

тью тремя или двадцатью семью – «должна обладать женщина, если хочет прослыть красавицей и быть желанной». Эти отдельные красоты обозначаются или формой, или цветом и т. д. Чтобы придать этому идеалу еще более осязательные, конкретные очертания, указывали обыкновенно на женщин определенных стран и городов. Уроженки Кёльна славятся своими красивыми руками, уроженки Брабанта – красивыми спинами, француженки – красиво выпуклыми животами, венки – пышной грудью, уроженки Швабии – красивыми ягодицами, баварки – красотой самых интимных частей женского тела. Люди Ренессанса ничего не хотели забыть и отличались большей точностью, а восходящие классы к тому же никогда не отличаются лицемерной стыдливостью. Порой не ограничивались даже этими данными, вдаваясь в еще более интимное описание. Женщина, желающая прослыть красавицей, должна обладать не одним каким-нибудь из этих достоинств, а всеми вместе.



Костюм голландской проститутки. XVII в.

Этот кодекс красоты был повсюду облечен в форму стихотворных афоризмов и дошел до нас в целом ряде вариантов, притом иногда с иллюстрациями. Достаточно привести один пример.

Очень распространенная свадебная песня перечисляет «тридцать пять достоинств красивой девушки» следующим образом:

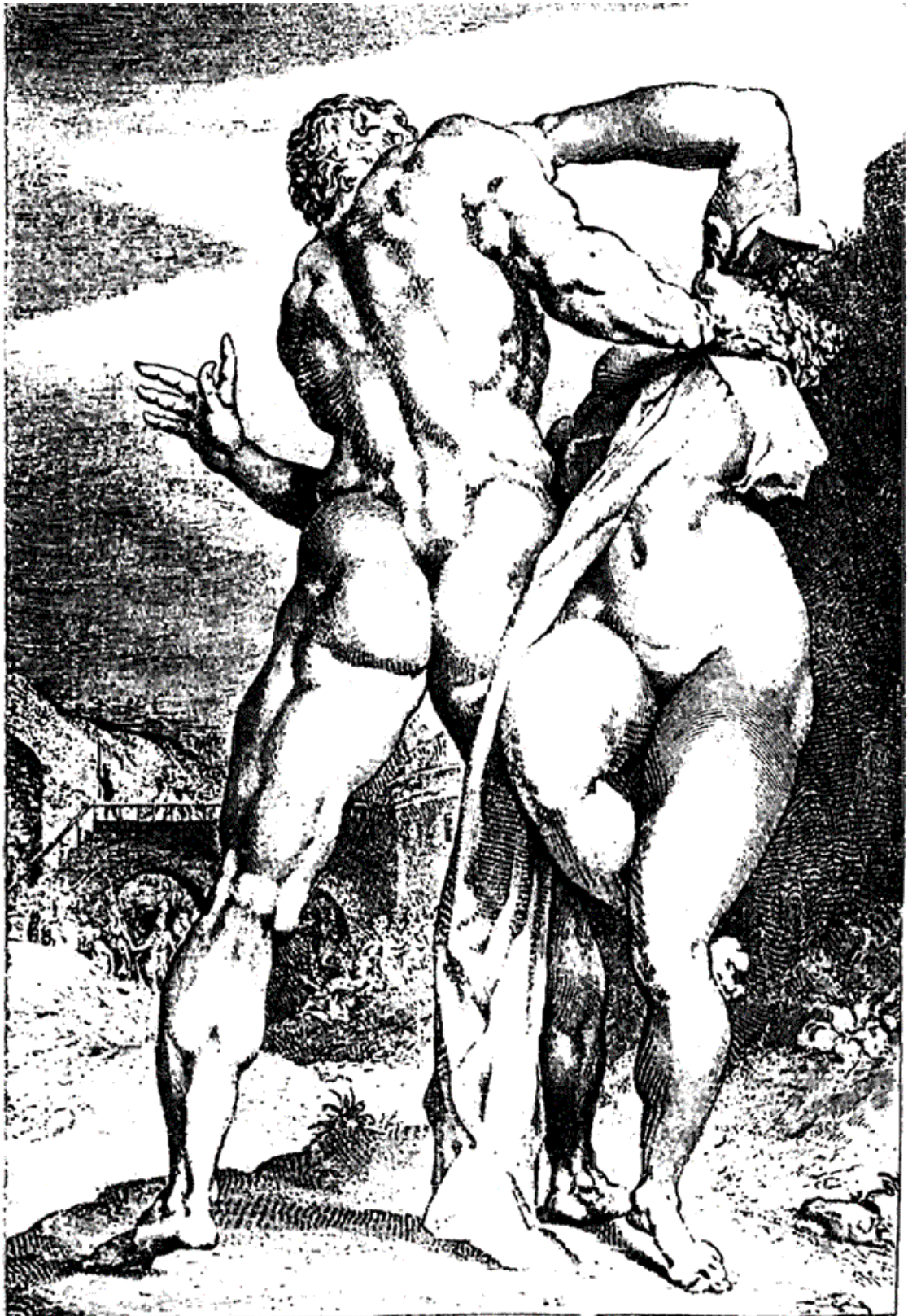
«Три должны быть белыми, три – черными, три – красными, три – длинными, три – короткими, три – толстыми, три – большими, три – маленькими, три – узкими, а в общем женщина должна быть высокого роста и полного сложения, должна иметь голову, как уроженка Праги, ноги – как уроженка Рейна, грудь – как венка, живот – как француженка, спину – как уроженка Брабанта, руки – как жительница Кёльна».

Никогда в живописи не изображали с таким горячим упоением красоту груди, как в эпоху Ренессанса. Ее идеализированное изображение – один из неисчерпаемых художественных мотивов эпохи. Для нее женская грудь – самое удивительное чудо красоты, и потому художники рисуют и рисуют ее изо дня в день, чтобы увековечить. Какой бы эпизод из жизни женщины ни изображал художник, он всегда найдет случай вплести новую строфу в гимн, раздающийся в честь ее груди.

Так как в мужчине и женщине видели всегда только пол, то в связи с презрением к старости мы замечаем у обоих полов страстное желание «снова помолодеть», особенно у женщины, так как ее расцвет менее продолжителен, а следы старости выступают наружу быстрее и виднее. Этим страшно затруднялась ее социальная позиция в борьбе за мужчину, так как других средств борьбы, кроме красивого тела, у нее в большинстве случаев не было. Оно ее главный капитал, ее ставка. Отсюда ее страстное желание остаться как можно дольше молодой. Из этой понятной тоски выросла в значительной степени идея об источнике молодости, представляющая в XV и XVI вв. такой распространенный мотив.

Само собой понятно, что и «наука» спешила предлагать десятки средств тем, кто хотел помолодеть. Шарлатаны, цыгане, старухи продают их легковверным людям на улицах и ярмарках, отчасти тайно, отчасти открыто. Эта тема также часто затронута в масленичных пьесах.

Не менее яркое доказательство в пользу основной чувственной тенденции Ренессанса – его отношение к наготу.



Похищение сабинянок. Идеал мужской и женской красоты. Итальянская гравюра. XVII в.

Известно, что тогда во всех странах к наготe относились довольно просто. Даже еще в XVI в. на сон грядущий совершенно раздевались, спали голыми. И притом оба пола всех возрастов; обыкновенно муж, жена, дети и слуги спали в общей комнате, не разделенные даже перегородками. Таков был обычай не только в крестьянстве и в низах, но и среди высшего

бюргерства и аристократии. Даже перед гостем не стеснялись, и он спал обыкновенно в общей спальне с семьей. Жена ложится спать без платья в присутствии гостя, которого видела первый раз в жизни. Требования стыдливости считались исполненными, если она делала это «целомудренно». Если гость отказывался раздеться, то его отказ возбуждал недоумение. Как долго продолжался этот обычай, видно из одного документа, относящегося к 1587 г., в котором обычай этот порицается, следовательно, еще существовал.

Красивое тело выставлялось, однако, напоказ не только путем идеализирующего и преувеличивающего искусства, возносящего предметы над миром действительности, нет, в этом отношении шли гораздо дальше, смело щеголяя наготой перед всем миром – на улице, где ее окружали и ошупывали глазами десятки тысяч любопытных. Существовал обычай встречи перед городскими стенами навещавшего город князя совершенно обнаженными прекрасными женщинами. История зарегистрировала целый ряд таких встреч: например, въезд Людовика XI в Париж в 1461 г., Карла Смелого в Лилль в 1468 г., Карла V в Антверпен в 1520 г. О последнем событии мы имеем более подробные сведения благодаря Дюреру, который присутствовал при нем и признавался, что он с особенным интересом разглядывал обнаженных красавиц.

О въезде Людовика XI в Париж сообщается следующее. У фонтана дю Пансо стояли дикие мужчины и женщины, сражавшиеся друг с другом, а возле них три обнаженные прекрасные девушки, изображавшие сирен, обладавшие такой чудной грудью и такими прекрасными формами, что невозможно было наглядеться.



их готовность дать другу даже случай воочию убедиться в этой хваленой красоте. Это одна из излюбленных разговорных тем эпохи.

Сеньор Брантом сообщает: «Я знал нескольких сеньоров, которые хвалили своих жен перед своими друзьями и подробнейшим образом описывали им все их прелести».

Один расхваливает цвет кожи жены, похожей на слоновую кость, с розовым налетом, как у персика, на ощупь мягкую, как шелк или бархат, другой – пышность ее форм, упругость ее груди, похожих на «большие яблоки с грациозными остриями» или на «хорошенькие шарики с розовыми ягодами», твердые, как мрамор, тогда как ее бедра – «полушария, сулящие высшее блаженство». Другие хвастают «словно выточенными белыми ногами» жен, подобными «горделивым колоннам, увенчанным красивым фронтоном». Не забывают при этом даже и самых интимных подробностей...

О духовных качествах супруги или женщины говорят разве под самый конец. Главную роль играет красивое тело, которое описывается с ног до головы и обратно. Описание нередко подкрепляется доказательством. Другу предоставляется возможность подглядеть жену во время купанья или туалета, или еще охотнее его приводят в спальню, где спящая жена, не подозревая, что она имеет посторонних свидетелей, предоставляет его взорам всю свою наготу. Порой даже сам муж откидывает скрывающие ее покровы, так что все ее прелести обнажаются перед взором любопытных. Телесная красота жены демонстративно выставляется напоказ, как клад или сокровище, которые должны возбудить зависть, и сомнению здесь не должно быть места. Вместе с тем обладатель этих сокровищ хвастает ими, чтобы подчеркнуть, что он их собственник. Он делает это не тайно, и жена должна то и дело мириться с тем, что муж подведет к ее ложу своих друзей, даже в том случае, когда она спит, и что он сорвет с нее одеяло, отчасти скрывающее ее тело от взоров.

Эпоха Ренессанса отличалась не только чувственностью. Так как речь идет о победе восходящего класса, то она не знала ни лицемерной стыдливости, ни страха, а смело и безбоязненно доводила все свои намерения до крайнего предела. Эта прямолинейность, в свою очередь, приводила к тем особенностям, благодаря которым моды Ренессанса кажутся нам подчас такими чудовищными, причем эти особенности характеризуют одинаково как мужские, так и женские моды. «Я превосходнейшим образом создан для любви», – говорил мужчина женщине при помощи своего костюма. «Я достойный предмет твоей силы», – отвечала она ему не менее ясно при помощи своей одежды. А как предложение, так и ответ отличались в эпоху Ренессанса одинаковой смелостью. Начнем с женской моды.

Проблема эротического воздействия разрешалась здесь, как уже сказано, смелым обнажением груди. Ренессанс придерживался того взгляда, что «обнаженная женщина красивее одетой в пурпур». Так как нельзя было всегда быть обнаженной, то показывали по крайней мере как можно больше ту часть, которая всегда считалась высшей красотой женщины и всегда поэтому обнаруживалась при помощи моды, а именно грудь. Обнажение груди не только не считалось пороком, а, напротив, было частью всеобщего культа красоты, так как служило выражением чувственных порывов эпохи. Все женщины, одаренные красивой грудью, более или менее декольтировали ее. Даже немолодые уже дамы стремились как можно дольше вызывать иллюзии полной и пышной груди. Чем более одарена была женщина от природы в этом отношении, тем более расточительной была она. В отличие от других эпох, в период Ренессанса женщины декольтировались не только в бальной зале, но и дома, на улице и даже в церкви. Особенно щедр в этом отношении были они в праздничные дни. Эпоха Ренессанса ясно показывает, что не климат, а общественное бытие определяет моды, что климат создает во всяком случае только количественные, а не качественные отличия, в том смысле, что, например, более жаркие страны предпочитают более легкие ткани. Так как на севере действовали те же экономические причины, как и на юге, то северянки декольтировались так же сильно, как и южанки.

Фламандка и швейцарка обнажали свою грудь не менее, чем француженка, венецианка и римлянка.

Чтобы лучше обратить внимание на красоту груди, на ее наиболее ценные достоинства – упругость и пышность, – женщины порой украшали ореолы алмазными кольцами и шапочками и обе груди соединялись золотыми цепочками, отягченными крестами и драгоценностями. Екатерина Медичи придумала для своих придворных дам моду, обращавшую на грудь внимание тем, что в верхней части платья справа и слева были сделаны два круглых выреза, обнаруживавших обнаженные груди, или тем, что груди искусственно воспроизводились внешним образом. Аналогичная мода, в силу которой обнаруживались только грудь и лицо, царила и в других местах. Там, где обычай требовал, чтобы благородные дамы переходили улицу только под шалью или в маске, как в Венеции, они, правда, скрывали лицо, но зато тем щедрее выставляли напоказ грудь.

Какой бы откровенности и смелости ни достигала женская мода в обнажении груди, ей ни в чем не уступала в этом та особенность мужской моды, которая отличает Ренессанс от всяких других эпох. Здесь речь идет о том, что немцы называют *Latz*<sup>1</sup>, а французы *braquette*<sup>2</sup>. Эта подробность придает мужской моде Возрождения в наших глазах поистине чудовищный характер...

Чувственному характеру эпохи Ренессанса как нельзя более отвечала та черта, что как женщина, так и мужчина открыто обнаруживали то, чему их век придавал наибольшую ценность. Никто не находил странным, что мужчина и женщина такими грубоватыми средствами действовали один на чувства другого. Мужчины и женщины вовсе не оставались равнодушными к этим возбудителям, а приводились ими в постоянное волнение. Литература Ренессанса богата доказательствами того, что чувства мужчины воспламенялись глубоко обнаженной грудью женщины, что эта часть тела всегда прежде всего увлекает и соблазняет его.

---

<sup>1</sup> Нагрудник (*нем.*).

<sup>2</sup> Передник (*фр.*).

## Глава 2. Любовь и брак

Половая любовь в эпоху Ренессанса носила прямо вулканический характер и проявлялась обыкновенно как вырвавшаяся из плена стихийная сила, подчинявшая себе все, пенясь и шумя, правда, порой и не без грубой жестокости. А так как каждая стихийная сила, проявляясь, обнаруживает свой конечный закон, то в области любви основным принципом была производительность. И это не подлежит сомнению: мужчина хотел прежде всего оплодотворять, женщина быть оплодотворенной.

Благодаря этому любовь получила в эпоху Ренессанса такой же героический оттенок, как и идеал физической красоты. Повышенная половая деятельность стала в глазах обоих полов явлением нормальным, дающим право на уважение. Совершенным в глазах эпохи был только тот мужчина, который, кроме вышеуказанных физических достоинств, отличался никогда не потухшими желаниями, совершенной женщиной – только та, которая вплоть до самого зрелого возраста жаждала любви мужчины.

Многочисленные документы наглядно иллюстрируют чувственный характер любви и брака в эпоху Ренессанса: нравы, обычаи, общие и правовые воззрения, отражающиеся в своеобразных пословицах, поговорках, действиях, и в особенности литература и искусство, в которых половые отношения обычно становятся лейтмотивом.

В этом отношении в высшей степени характерны обычаи, связанные с бракосочетанием, обычаи, санкционировавшие брак: освящение брачного ложа священником – или епископом и архиепископом, когда в брак вступали люди княжеского происхождения, – и затем доживший до наших дней обычай публичного разделения ложа.

Когда священник освящал брачное ложе, он имел, конечно, в виду не место отдыха после дневных трудов, а «мастерскую любви». Дабы на ней покоилось благоволение Божие, дабы из нее выходили желанные продолжатели рода и наследники – вот для чего освящалось оно священником. Ложе как «мастерская любви» играет далее главную роль в правовых нормах, на которых покоился брак, о чем свидетельствует выше указанный обычай публичного его разделения: жених и невеста вместе ложились в постель в присутствии свидетелей. В большинстве стран брак считался заключенным, когда жених и невеста «накрылись одним одеялом». «Взойдешь на постель и право свое приобретешь» – гласит древняя немецкая поговорка. Чтобы в этом не было сомнения, обычай совершался публично. Он сохранялся почти во всех европейских странах и почти у всех классов до начала XVII в.



Де Жод. Радости Венеры. XVII в.

Собственно германский по своему происхождению, этот обычай совершался самым разнообразным образом, официально, с большой торжественностью, в серьезном религиозном тоне, в присутствии священника, освящавшего ложе, но и юмористически. Общеизвестна форма, в которую этот обычай вылился при княжеских дворах. Так как в этой среде брак носил чисто условный характер, будучи обычно своего рода политическим договором, в силу которого одно государство передавало другому известную территорию или права на власть, олицетворенные в образе невесты, то молодые могли и не видеться до брака: ведь личная склонность не входила как фактор в решение арифметической задачи. Сделка завершалась публичным разделением ложа, причем сам жених мог и отсутствовать, его роль мог взять на себя уполномоченный посланник, которому было поручено устройство сделки. Он ложился спокойно на парадное ложе рядом со «счастливой» невестой как официальный заместитель своего господина, и дело считалось сделанным, т. е. брак считался юридически заключенным.

Менее известны часто грубоватые, не лишённые юмористического оттенка обычаи, бывшие в ходу у простонародья и даже до сих пор окончательно не исчезнувшие. Для характеристики последних приведем один обычай, существующий в Верхнем Пфальце. «Как только телега с приданым невесты останавливается перед домом молодых, жених снимает двуспальную кровать, положенную на самом верху, и относит ее в спальню, потом в присутствии всех кладет в постель невесту, ложится рядом и целует ее».

Если в таких обычаях мы имеем дело с символической характеристикой деторождения как главной и последней цели брака, то, с другой стороны, существует ряд воззрений и обычаев, имеющих в виду непосредственно половой акт как ежедневную «брачную пищу», ради которой вступают в брак, «так как без нее не может обойтись ни здоровый мужчина, ни здоровая женщина».

Мы сказали выше, что эпоха Ренессанса отличалась здоровьем, а первое требование покоящейся на здоровом фундаменте физиологии любви заключается в том, что мужчине и женщине, как только они достигают половой зрелости, предоставляется право осуществления своих половых функций. Это воззрение было в самом деле общепризнанным в эпоху Ренессанса и выражается в целом ряде поговорок, и притом так же наивно, как и грубо. О мужчинах говорится: «Если парни хотят расти и толстеть, то им не следует долго поститься». И то же самое провозглашается как право девушек: «Если девица испытывает голод, не следует долго ждать, а нужно ее скорее выдать замуж за молодого парня...»

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.